

В. Джемс

Прагматизм

**Новое название для некоторых старых методов
мышления**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Джемс**
Прагматизм: Новое название для некоторых старых методов мышления / В. Джемс – М.: Книга по Требованию, 2023. – 240 с.

ISBN 978-5-458-06752-2

Книга из серии "Библиотека современной философии" (выпуск первый). Популярные лекции по философии. Перевод с английского П. Юшкевича с приложением статьи переводчика о прагматизме. Издание второе.

ISBN 978-5-458-06752-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Собранныя въ этой книгѣ лекціи были прочитаны въ Ловелльскомъ университетѣ въ Бостонѣ (въ ноябрѣ и декабрѣ 1906 г.) и въ Колумбійскомъ университетѣ въ Нью-Йоркѣ (въ январѣ 1907 г.). Я выпускаю ихъ въ свѣтъ въ томъ же видѣ, въ какомъ онѣ были прочитаны, безъ какихъ бы то ни было дополненій или примѣчаній. Такъ называемое прагматическое движеніе—я не люблю этого названія, но, очевидно, слишкомъ поздно мѣнять его — объявилось неожиданно, словно съ неба свалилось. Нѣкоторыя направленія, всегда существовавшія въ философіи, внезапно познали самихъ себя и свою общую задачу. Это произошло во многихъ странахъ и при томъ со столь многихъ и различныхъ точекъ зрѣнія, что въ результатѣ получились многочисленныя разногласія въ изложеніи ученія. Я сдѣлалъ попытку нарисовать въ широкихъ, общихъ чертахъ картину движенія, какимъ оно представляется мнѣ, не вдаваясь въ мелочи и подробности. Думаю, что можно было бы избѣжать многихъ бесполезныхъ споровъ, если бы наши критики согласились ждать до тѣхъ поръ, пока мы не раскроемъ окончательно сути возвращаемаго нами ученія.

Если мои лекціи вызовутъ у какого-нибудь читателя интересъ къ прагматизму, то онъ, несомнѣнно, пожелаетъ ознакомиться съ литературой вопроса. Въ виду этого я дамъ кое какія указанія.

Въ Америкѣ основной работой являются изданныя Дж. Дьюи (John Dewey) «Studies in Logical Theory». Полезно прочесть также статьи Дьюи въ «Philosophical Review», т. XV, с. 113 и 465, въ «Mind», т. XV, с. 293 и въ «Journal of Philosophy», т. IV, с. 197.

Но лучше всего все таки начать съ «Очерковъ по гуманизму» («Studies in Humanism») Ф. К. С. Шиллера, и въ частности съ

очерковъ №№ 1, 5, 6, 7, 18 и 19. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ книгѣ приводятся предшествующія работы Шиллера и вообще вся полемическая литература вопроса.

Далѣе, слѣдуетъ прочесть Milhaud «Le Rationnel» 1898 и превосходныя статьи Ле Руа въ «Revue de Métaphysique», тт. 7, 8 и 9. Также и статьи Блонделя и де Сайи въ «Annales de Philosophie Chrétienne», 4-ая серія, тт. 2 и 3. Книгу о прагматизмѣ на французскомъ языкѣ готовится скоро выпустить Палини.

Замѣчу, чтобъ избѣгнуть возможнаго недоразумѣнія, слѣдующее: между прагматизмомъ, какъ я его понимаю, и выдвинутой мной недавно теоріей «радикальнаго эмпиризма» нѣтъ никакой логической связи. Ученіе радикальнаго эмпиризма вполне самостоятельно и независимо. Можно цѣликомъ отвергнуть его и все таки быть прагматистомъ.

Гарвардскій университетъ, апрѣль 1907.

СОВРЕМЕННАЯ ДИЛЕММА ВЪ ФИЛОСОФІИ.

Въ предисловіи къ своей замѣчательной книгѣ очерковъ «Еретики» («Heretics») Честертонъ пишетъ:

«Есть люди—и я изъ ихъ числа—которые думаютъ, что самое важное, т. е. практически—важное, въ человѣкѣ это его міровоззрѣніе. Я думаю, что для хозяйки, имѣющей въ виду жильца, важно знать размѣры его дохода, но еще важнѣе знать его философію. Я думаю, что для полководца, собирающагося дать сраженіе непріятелю, важно знать численность его, но еще важнѣе для него знать философію непріятеля. И я думаю даже, что вопросъ совсѣмъ не въ томъ, оказываетъ ли міровоззрѣніе вліяніе на окружающую человѣка среду, а въ томъ, можетъ ли въ концѣ концовъ что-нибудь другое оказывать на нее вліяніе».

Въ этомъ вопросѣ я согласенъ съ Честертономъ. Я знаю, милостивыя государыни и государи, что каждый изъ васъ имѣетъ свою философію и что самое интересное и важное въ васъ — способъ, какимъ эта философія опредѣляетъ различныя перспективы въ вашихъ различныхъ мірахъ. То же самое вы знаете обо мнѣ. И все-таки, признаюсь, при мысли о смѣлости затѣваемаго мною дѣла меня охватываетъ нѣкоторая робость. Вѣдь та философія, которая такъ важна въ каждомъ изъ насъ, не есть нѣчто технически опредѣленное, специальное. Она—наше болѣе или менѣе смутное чувство того, что представляетъ собой жизнь въ своей глубинѣ и значеніи. Эта философія только отчасти заимствована изъ книгъ. Она—нашъ индивидуальный способъ воспринимать и чувствовать бѣненіе пульса космической жизни (the total push and pressure of the cosmos).

Я не имѣю никакихъ основаній думать, что многіе изъ васъ занимаются, въ качествѣ студентовъ, изслѣдованіемъ явленій природы. И все-таки я стою здѣсь, воодушевленный желаніемъ заинтересовать васъ философской доктриной, при изученіи которой приходится прибѣгать въ значительной мѣрѣ къ чисто техническимъ, спеціальнымъ приѣмамъ. Я желаю завоевать ваши симпатіи въ пользу одного современнаго философскаго направленія, въ которое глубоко вѣрю, и въ то же время вынужденъ бесѣдовать съ вами, какъ профессоръ, хотя вы и не студенты. А каково бы ни было міровоззрѣніе профессора, оно во всякомъ случаѣ должно быть такимъ, чтобъ давать матерьялъ для длинныхъ разсужденій. Міровоззрѣніе, которое можетъ быть выражено въ двухъ строчкахъ, это нѣчто совсѣмъ непригодное для профессорскаго мозга. Можно ли придавать значеніе такой бездѣлкѣ! Я былъ свидѣтелемъ того, какъ нѣкоторые мои друзья и коллеги пытались въ этой самой залѣ популяризировать вопросы философіи. Но ихъ изложеніе вскорѣ дѣлалось сухимъ и спеціальнымъ, и результаты лишь въ незначительной степени были благопріятны. Такимъ образомъ я взялъ на себя довольно смѣлое, даже безрасудное, дѣло. Самъ основатель прагматизма (Ч. Пирсъ) недавно прочелъ въ Ловелльскомъ институтѣ рядъ лекцій о новомъ ученіи. Вспышки яркаго свѣта перемежались въ нихъ съ Киммерійскимъ мракомъ. Никто изъ насъ, думаю я, не понималъ *всего*, что онъ сказалъ, и все-таки я стою теперь здѣсь и собираюсь сдѣлать нѣчто подобное.

Я рѣшаюсь все-таки на это потому, что лекціи, о которыхъ я говорю, привлекли много публики. Намъ охватываетъ, надо признаться, какое-то странное очарованіе, когда мы слушаемъ бесѣду о глубокихъ вещахъ, даже тогда, когда ни мы, ни сами спорящіе, не вполне разбираемся въ нихъ. Намъ какъ бы пронизываетъ дрожь отъ затрагиваемыхъ великихъ проблемъ, мы какъ бы чувствуемъ присутствіе безконечности. Пусть только завяжется гдѣ-нибудь споръ о свободѣ воли, о божественномъ всевѣдѣніи, о добрѣ и злѣ, — сейчасъ же у присутствующихъ настораживаются уши. Результаты философіи затрагиваютъ всѣхъ насъ глубочайшимъ образомъ, и даже экстравагантнѣйшіе аргументы философіи пріятно волнуютъ нашу склонность къ глубокомысленному и значительному.

Я горячо вѣрю въ философію и ея значеніе; я вѣрю также, что надъ нами, философами, загорается заря новаго дня. Поэтому я чувствую настоящую потребность попытаться — *per fas aut nefas*—разсказать вамъ о современномъ положеніи дѣлъ въ философіи.

Философія въ одно и то же время и самое возвышенное и самое тривиальное изъ человѣческихъ стремленій. Она забирается въ мельчайшія щели и открываетъ широчайшіе горизонты. Она «не печетъ хлѣба», какъ сказалъ кто-то, но она способна преисполнить сердца наши мужествомъ. И какъ ни отталкиваютъ часто средняго человека всѣ ея пріемы, ея сомнѣнія и вызовы, ея софистика и диалектика, никто изъ насъ не двигался бы впередъ безъ того лучезарнаго свѣта, которымъ она озаряетъ перспективы міра. И во всякомъ случаѣ эти огневые вспышки и сопровождающія ихъ явленія контраста отъ мрака и тайны придаютъ всему, что она говоритъ, далеко не одинъ только спеціальный, узко профессиональный интересъ.

Исторія философіи является въ значительной мѣрѣ исторіей своеобразнаго столкновенія человѣческихъ темпераментовъ. Эта точка зрѣнія можетъ показаться многимъ изъ моихъ коллегъ умаляющей достоинство философіи. Тѣмъ не менѣе, я буду исходить изъ нея, изъ этого столкновенія темпераментовъ, которымъ попытаюсь объяснить многія философскія разногласія. Какого бы темперамента ни былъ профессиональный философъ, приступая къ философствованію, онъ старается заглушить его. Молчаливой традиціей признано, что темпераментъ не есть аргументъ; поэтому философъ для своихъ выводовъ ищетъ лишь безличныхъ доводовъ. Въ дѣйствительности же темпераментъ вліяетъ на ходъ мыслей философа несравненно сильнѣе, чѣмъ любая изъ его безукоризненно объективныхъ предпосылокъ. Отъ темперамента зависитъ значеніе и убедительность, приписываемыя философомъ тѣмъ или инымъ аргументамъ; темпераментъ вліяетъ подобно фактамъ или принципамъ, побуждая выбирать болѣе мягкую или болѣе суровую точку зрѣнія на міръ. Философъ *довѣряетъ* своему темпераменту. Философъ ищетъ міра, который подходилъ бы къ его темпераменту, и поэтому вѣритъ въ любую картину міра, которая къ нему подходит. Онъ

чувствуетъ, что люди противоположнаго темперамента не находятся въ гармоніи съ истинной сущностью міра; въ глубинѣ души онъ считаетъ ихъ непонимающими дѣла и „не на своемъ мѣстѣ“ въ вопросахъ философіи, хотя бы они и далеко превосходили его діалектической сноровкой.

Но, конечно, публично онъ не можетъ апеллировать къ темпераменту и во имя его требовать признанія за собой бѣльшаго пониманія дѣла и авторитета. Благодаря этому въ нашихъ философскихъ спорахъ всегда таится нѣкоторая неискренность: о самой могучей изъ всѣхъ нашихъ предпосылокъ никогда не упоминаютъ. Я убѣжденъ, что дѣло только выиграетъ въ ясности, если мы на этихъ лекціяхъ нарушимъ установившійся обычай и будемъ говорить о темпераментѣ. Такъ я и поступлю.

Само собою разумѣется, что я говорю здѣсь объ исключительныхъ людяхъ, о людяхъ рѣзко выраженной индивидуальности, наложившихъ свою печать на философію и фигурирующихъ въ исторіи ея. Такими, полными темперамента, мыслителями были Платонъ, Локкъ, Гегель, Спенсеръ. Большинство же изъ насъ, разумѣется, не имѣютъ достаточно опредѣленнаго интеллектуальнаго темперамента. Въ насъ какъ то смѣшаны противоположныя качества, каждое изъ которыхъ представлено довольно скромно. Мы едва-едва знаемъ, въ какую сторону влекутъ насъ наши симпатіи въ области абстрактнаго мышленія. Иные изъ насъ легко подчиняются чужому вліянію и кончаютъ тѣмъ, что слѣдуютъ модѣ или усваиваютъ себѣ взгляды обладающаго наиболѣе рѣзко выраженной индивидуальностью философа изъ окружающей среды, кто бы этотъ философъ ни былъ. Но въ философіи до сихъ поръ цѣнилась лишь способность *видѣть* вещи, способность видѣть ихъ самостоятельно, съ своей особой точки зрѣнія, и связанное съ этимъ недовольство всякой противоположной точкой зрѣнія. Нѣтъ никакихъ основаній полагать, что это своеобразное разсматриваніе вещей сквозь призму яркаго темперамента перестанетъ отнынѣ цѣниться въ исторіи человѣческой мысли.

Дѣлая всѣ эти замѣчанія, я имѣю въ виду особый видъ противоположности темпераментовъ, наблюдаемый не только въ философіи, но и въ литературѣ, искусствѣ, политикѣ, въ обращеніи.

Въ области поведенія мы встрѣчаемъ, съ одной стороны, формалистовъ, людей, строго придерживающихся всяческихъ правилъ этикета, а, съ другой, людей, мало считающихся съ этикетомъ, держащихъ себя, такъ сказать, на распашку. Въ политикѣ мы имѣемъ людей авторитарнаго типа и анархистовъ; въ литературѣ—пуристовъ (или академикомъ) и реалистовъ; въ искусствѣ—классиковъ и романтиковъ. Всѣ эти антитезы вамъ хорошо знакомы. Но точно такъ же и въ философіи мы имѣемъ вполне аналогичную противоположность, которую можно выразить словами «раціоналистъ» и «эмпиристъ». «Эмпиристъ» — это человѣкъ, любящій все многообразіе фактовъ въ ихъ первобытной нетронутости, непосредственности. «Раціоналистъ» — поклонникъ абстрактныхъ и вѣчныхъ принциповъ. Конечно, ни одинъ человѣкъ не можетъ прожить и часу, не оперируя одновременно какъ фактами, такъ и принципами. Поэтому различіе между обоими указываемыми типами сводится къ неодинаковой оцѣнкѣ, неодинаковому ударенію, дѣлаемому ими на тотъ или другой элементъ нашей духовной жизни. Но это различіе въ удареніи способно породить неустранимую антипатію другъ къ другу въ людяхъ, дѣлающихъ его. Поэтому мы сумѣемъ весьма цѣлесообразно выразить извѣстную противоположность міровоззрѣній, если будемъ говорить объ «эмпиристскомъ» и «раціоналистскомъ» темпераментахъ. Эти обозначенія рѣзко и просто выражаютъ указываемую нами антитезу.

Выражаютъ, впрочемъ, гораздо рѣзче и проще, чѣмъ бываютъ обыкновенно лица, къ которымъ примѣнимы эти названія. Въ человѣческой природѣ возможны всяческія сочетанія и перемѣщенія. Поэтому, если я теперь попытаюсь точнѣе опредѣлить, что я имѣю въ виду, когда говорю объ эмпиристахъ и раціоналистахъ, и приведу нѣкоторые вторичныя, дополнительныя къ основному различію, черты, то прошу васъ не упускать изъ виду нѣкоторой условности и произвольности устанавливаемой мной классификаціи. Я подбираю типы, довольно часто встрѣчающіеся въ дѣйствительной жизни (они, понятно, никогда не являются вполне тождественными), и подбираю лишь тѣ, которые пригодны для моей дальнѣйшей задачи, т. е. для характеристики прагматизма.

Исторически мы находимъ термины «интеллектуализмъ» и «сен-

суализмъ» синонимичными съ терминами «раціонализмъ» и «эмпиризмъ». Далѣе оказывается, что интеллектуализмъ чаще всего соединяется съ идеалистической и оптимистической тенденціей. Съ другой же стороны эмпиристы нерѣдко бываютъ матеріалистами, а ихъ оптимизмъ носитъ довольно условный и робкій характеръ. Раціонализмъ всегда монистиченъ. Онъ исходитъ изъ цѣлаго и общаго и придаетъ огромное значеніе единству вещей. Эмпиризмъ исходитъ изъ частей, въ цѣломъ онъ видитъ собраніе изъ частей,—и поэтому онъ не прочь назвать себя плюралистичнымъ. Раціонализмъ обыкновенно считаетъ себя религіознѣе эмпиризма,—но объ этомъ притязаніи можно много говорить, поэтому я лишь упоминаю о немъ. Это притязаніе основательно въ тѣхъ случаяхъ, когда отдѣльный раціоналистъ бываетъ тѣмъ, что называютъ чувствительнымъ человѣкомъ, а отдѣльный эмпиристъ—и этимъ онъ гордится—человѣкомъ суровой складки. Въ этихъ случаяхъ, пользуясь опять таки ходячими терминами, раціоналистъ обыкновенно является сторонникомъ свободы воли, эмпиристъ же—детерминистомъ (fatalist). Наконецъ, раціоналистъ въ своихъ утвержденіяхъ обнаруживаетъ склонность къ догматизму, между тѣмъ какъ эмпиристъ больше скептикъ и охотно готовъ спорить.

Я соберу всѣ эти черты и напишу ихъ въ двѣ колонны. Я думаю, что вы легко сумѣете различать два указываемыхъ мною интеллектуальныхъ типа, два интеллектуальныхъ покроя, если я сдѣлаю надъ обѣими колоннами надписи «мягкій» и «жесткій».

Мягкій типъ
(tender-minded).

Жесткій типъ.
(tough-minded).

Раціоналистъ (оперируетъ «принципами»)

Эмпиристъ (оперируетъ «фактами»)

Интеллектуалистъ

Сенсуалистъ

Идеалистъ

Матеріалистъ

Оптимистъ

Пессимистъ

Вѣрующій

Невѣрующій

Сторонникъ свободной воли

Детерминистъ

Монистъ

Плюралистъ

Догматикъ

Скептикъ

Оставимъ на время вопросъ, связаны ли внутренне, или нѣтъ, объ эти антитетическія комбинаціи признаковъ,—объ этомъ мнѣ придется вскорѣ поговорить. Для нашей теперешней задачи достаточно замѣтить, что оба эти типа—«мягкій» и «жесткій» — съ присущими имъ отличительными чертами существуютъ въ дѣйствительности. Каждый изъ васъ, вѣроятно, знаетъ какихъ-нибудь характерныхъ представителей обоихъ типовъ, и вы знаете также, что думаютъ представители одного типа о представителяхъ другого. Они довольно низкаго мнѣнія другъ о другѣ. Во всѣ времена антагонизмъ этихъ двухъ типовъ—если только имѣлись на лицо люди съ сильно выраженными темпераментами—составлялъ часть философской атмосферы эпохи. То же самое мы наблюдаемъ и въ наше время. «Жесткіе» думаютъ о «мягкихъ», что они сантиментальны и изнѣженны. «Мягкимъ» «жесткіе» кажутся тупыми, грубыми, неотесанными. Ихъ взаимныя отношенія похожи на тѣ, которыя наблюдаются, когда путешественники изъ Бостона приходятъ въ столкновение съ людьми, подобными обитателямъ Криппль-Крика. Каждый типъ считаетъ другой низшимъ. Только въ одномъ случаѣ презрѣніе смѣшано съ удовольствіемъ, въ другомъ къ нему примѣшивается чувство страха.

Но, какъ я уже сказалъ, немногіе изъ насъ выражаютъ оба эти типа въ ихъ чистотѣ, немногіе изъ насъ являются въ области философіи или «мягкими» бостонцами или «жесткими» обитателями Скалистыхъ Горъ. Большинство изъ насъ желаетъ извлечь хорошее изъ тѣхъ и изъ другихъ. Факты вещь отличная—подавайте намъ кучи фактовъ! Принципы превосходны—давайте намъ пригоршни принциповъ!—Міръ, несомнѣнно, представляетъ собою «единое», если смотрѣть на него съ одной стороны, но онъ такъ же несомнѣнно и «многое», если взглянуть съ другой. Онъ въ одно и то же время и единое и многое—остановимся поэтому на нѣкоемъ плюралистическомъ монизмѣ.—Разумѣется, все необходимо определено, но такъ же несомнѣнно и то, что воля свободна: своего рода индетерминистическій детерминизмъ—такова истинная философія.—Нельзя отрицать, что въ частяхъ міра царитъ зло, но цѣлое не можетъ быть зломъ: соединимъ такимъ образомъ практическій пессимизмъ съ метафизическимъ оптимизмомъ. И т. д. и т. д. Обык-

новенный философскій профанъ отнюдь не радикаль, онъ не заботится о послѣдовательности своей системы, — онъ живетъ себѣ то въ одномъ отдѣленіи ея, то въ другомъ, какъ этого требуютъ мѣняющіеся запросы времени.

Но иные изъ насъ не просто профаны въ философіи. Мы можемъ быть названы любителями ея, и насъ тревожитъ чрезмѣрная несвязность и неопредѣленность нашихъ воззрѣній. Наша интеллектуальная совѣсть не можетъ быть покойной, пока мы продолжаемъ попеременно брать несоединимые между собою взгляды изъ обѣихъ противоположныхъ сторонъ.

И вотъ теперь я прихожу къ первому дѣйствительно важному указанію, которое хочу сдѣлать. Никогда не было такой массы людей съ рѣзко выраженнымъ эмпирическимъ складомъ мысли, какъ въ настоящее время. Наши дѣти, такъ сказать, уже рождаются «научниками». Но наше уваженіе къ фактамъ не погасило въ насъ окончательно огня религіозности. Само это уваженіе имѣетъ какой-то религіозный характеръ. Нашъ научный темпераментъ полонъ набожности. Вообразите себѣ человѣка этой складки, представьте себѣ, что онъ въ то же время любитель философіи и не желаетъ составить себѣ системы изъ всего понемножку, какъ это дѣлаетъ обыкновенный профанъ, — какимъ найдетъ онъ положеніе вещей въ настоящее время, въ лѣто отъ Рождества Христова 1906? Онъ жаждетъ фактовъ; онъ жаждетъ науки; но онъ жаждетъ также и религіи. А такъ какъ онъ любитель философіи, а не оригинальный творецъ, то онъ оглядывается по сторонамъ и ищетъ себѣ руководителей изъ числа профессиональныхъ философовъ. Многие изъ васъ, здѣсь присутствующихъ, — а, можетъ быть, и большинство — являются такого рода любителями философіи.

Но какого же рода философію предлагаютъ вамъ для удовлетворенія вашихъ потребностей? Вы встрѣчаете эмпирическую философію, которая для васъ недостаточно религіозна, и религіозную философію, которая недостаточно эмпирична. Если вы взглянете въ ту сторону, гдѣ особенно почитаютъ факты, вы увидите всю программу „жесткихъ“ въ дѣйствиіи, но зато и „конфликтъ между наукой и религіей“ въ полномъ разгарѣ. Вотъ передъ вами „жесткій“ обитатель Скалистыхъ Горъ Геккель, съ его матеріалистиче-